

§ 8 КОНФЛИКТ: ИНСТРУМЕНТЫ СТАБИЛИЗАЦИИ

Нунуев С.М.

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО МИРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Предметом исследования является определение влияния традиций исламской цивилизации на обеспечение межконфессионального мира в постсоветской России. Объектом исследования являются традиции исламской цивилизации в её российском инварианте. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как сущность цивилизации, специфика и признаки исламской цивилизации в политико-правовом измерении, нормы Корана и мусульманского права, реформаторские трактовки традиций миротворчества и терпимости в исламе. Особое внимание уделяется традиционным ценностям и институтам ислама, методам активности исламских религиозных организаций в России. Методы исследования включают в себя аксиологический подход, исторический неинституционализм. Проведён вторичный анализ результатов анкетных опросов. Основными выводами проведённого исследования являются: трактовка цивилизации как социокультурной макросистемы предельно высокого уровня, отличающейся от других по критерию мировоззрения; выявление традиций миротворчества и конфессиональной терпимости в Коране и мусульманском законодательстве. Особым вкладом автора в исследование темы является опровержение стереотипа об однородности и архаичности социальной доктрины ислама. Новизна исследования заключается в раскрытии потенциала конфессиональной толерантности, а также рисков нетерпимости в общественном мнении мусульман регионов России. Раскрыты институты и методы миротворческой активности исламских организаций России.

Ключевые слова: Исламская цивилизация, традиции, влияние, межконфессиональный мир, Российская Федерация, Коран, мусульманское право, общественное мнение, традиционные исламские институты, методы миротворчества.

Abstract: The goal of this research is to determine the influence of Islamic traditions upon the provision of interconfessional peace in the post-Soviet Russia. The object of this research is the traditions of the Islamic civilization in its Russian variant. The author carefully examines such aspects of the topic as the essence of civilization, specificity and science of Islamic civilization in the political legal dimension, norms of Quran and Islamic law, as well as reformation interpretations of the traditions of peace and tolerance in Islam. A special attention is given to the traditional values and institutions of Islam, as well as methods of activity of the Islamic religious organizations in Russia. The author comes to the following conclusions: interpretation of civilization as the sociocultural macrosystem of a high level, which differ from one another by criteria of worldview; determination of the traditions of peace and confessional tolerance in Quran and Muslim legislation. The author's contribution into this topic consists in the refutation of the stereotype of the homogeneity and archaic nature of the social doctrine of Islam. The scientific novelty of this research consists in the revelation of the potential of the confessional tolerance, as well as the risks of intolerance in the public opinion of the Russian Muslims.

Keywords: Traditional islamic institutions, Islamic law, Quran, Russian Federation, interconfessional peace, influence, traditions, Islamic civilization, peacekeeping methods, public opinion.

Актуальность темы статьи состоит в том, что российское общество является поликонфессиональным и его ценности развиваются на основе длительного взаимодействия секулярности, православия, ислама и других систем мировоззрения. Необходимость политической модернизации России бесспорна, но она будет успешной только на при-

емлемой для нашего общества социокультурной и институциональной основе, с опорой на исторически сложившиеся традиции поддержания межконфессионального мира. В данном контексте актуально выявить влияние традиций исламской цивилизации на обеспечение межконфессионального мира в постсоветской России.

Степень разработанности темы такова. Методологически значимые труды, интерпретирующие традиции исламской цивилизации в политическом аспекте, создали западные религиоведы Г.А. Гибб [1], Г.Э. фон Грюнебаум [2], М.Г. Ходжсон [3]. Трансформация исламских традиций в условиях модернизации осмысливалась Ш.Н. Эйзенштадтом [4]. Критику западнцентричных трактовок современного ислама аргументировали С.Х. Наср [5] и А. Абдель-Малеk [6]. В отечественной научной традиции наиболее важны работы Б.С. Ерасова [7], Ю.М. Почты [8], М.А. Батунского [9] о роли ислама в российском цивилизационном синтезе. Но преобладают только философские и исторические исследования. Ещё редки прикладные политологические работы, авторы которых раскрывают роль исламских традиций в обеспечении межконфессионального мира [10]. Подчас некритически и огрубленно излагается доктрина «конфликта цивилизаций» С.П. Хантингтона [11], который не делал различий между идейными направлениями и периодами исламской политической мысли, представляя ислам как таковой оплотом архаики и агрессии. Сказанное определяет политико-прикладной курс нашего исследования.

Цель статьи – определить роль ценностей и институтов традиционного ислама в регулировании межконфессиональных конфликтов. Задачи статьи: раскрыть миротворческие аспекты социальной доктрины ислама, установить роль норм Корана и мусульманского права, традиционных институтов (муфтиятов, суфийских братств) в конфликторазрешении в российских регионах распространения ислама.

Хронологические рамки работы охватывают постсоветский период (1992 – 2016 гг.), когда религиозный плюрализм стал свободно проявляться в российском обществе и стала развиваться политизация религий, в том числе – ислама.

Пространственные пределы анализа включают в себя территорию Российской Федерации. Особое внимание уделено ареалу повышенного влияния ислама – республикам Северного Кавказа и Среднего Поволжья.

Методы исследования включают в себя аксиологический подход, а также исторический неинституционализм. Аксиологический подход позволил раскрыть содержание принципов веры и проявления ценностей исламского самосознания в современной России. Исторический неинституционализм даёт возможность выявить нормы и практики, реализующие исламские традиции в современном обществе. Проведён вторичный анализ результатов анкетных опросов.

Эмпирическая основа исследования представляет собой комплекс видов документов: религиозные тексты (Коран, Сунна, фикх); результаты социологических опросов, организованных Институтом социологии РАН, а также Распределённым центром межнациональных и межрелигиозных отношений Минобрнауки России, Институтом истории Академии наук Республики Татарстан; публицистические тексты.

Цивилизация истолковывается нами как социокультурная макросистема предельно высокого уровня, отличающаяся от других по критерию мировоззрения. Каждая из цивилизаций выражается во всех сферах общественной жизни посредством ценностей и институтов, определяющих онтологические смыслы существования данного социума. Цивилизации имеют свои ритмы и закономерности изменений, они выступают способом ответа общества на свои ключевые вызовы и проблемы. Поэтому нельзя считать цивилизацию статичной, застывшей в своих изначальных принципах и формах. Религия не является единственным и важнейшим критерием типологии цивилизаций в современных социогуманитарных науках. Но в обществах традиционного, ценностного типа высшими принципами организации выступают религиозные системы, выражаемые в своём вероучении, нравственных нормах, социальных и политических доктринах.

В полной мере сказанное относится к исламской цивилизации. Она является глобальной, будучи основанной на одной из мировых религий и строгом единобожии. Ислам отрицает противопоставление секулярной и религиозной сфер жизни, все её стороны должны регулироваться нормами Корана и шариатского права. Высшая власть принадлежит Аллаху, и выполнение норм Корана создаёт легитимность земных правителей и государственных ведомств. Но этот принцип не означает слепого фатализма. Власть должна быть справедливой и соблюдать общие интересы уммы, а не эгоистические интересы правителей, элит или народов [1, р. 4, 198-200; 2, р. 153-169; 3, р. 570-574]. Аллах наделил человека разумом и ответственностью за свои поступки и помыслы. Это означает возможность иджтихада – согласованного толкования религиозно-правовых норм богословами на основе фикха – источников норм поведения. Часть этих источников – Коран и Сунна, а часть – созданные правоведами истолкования спорных вопросов.

Вместе с тем, почти 1400 лет развития исламской цивилизации доказали её необычайную гибкость, умение учитывать особенности, конкретные политические условия стран и регионов распространения. Халифат, бывший одновременно формой сакральной и земной власти, не продержался долго. Как по-

лагают богослов Ш.Ю. Чочаев, «модель идеальной теократической власти в исламе существует лишь в теории, а в практике ... всегда имело место разграничение между духовным и светским началами, наблюдаются различная форма и степень сочетания и взаимодействия светской и духовной власти» [12, с. 279]. Гибкость системы во многом обеспечивалась суфийскими братствами и сословными объединениями [3, р. 570-574]. Представляет особый интерес адаптация исламских традиций к секулярным политиям, в которых мусульмане составляют меньшинство. Так, богословы XIX в. Мухаммед Абдо и Джамаледдин Афгани, просветитель Исмаил-бей Гаспринский признавали возможность отчасти принять и адаптировать к исламской цивилизации ценности Запада, его науки и технологии.

Модернизация общества, внедряя институты и ценности западной демократии, неизбежно обостряет конфликт ценностей между исламскими и секулярными принципами [5, р. 17-22; 6, р. 73-96]. В 1970 – 1990-х гг. стала набирать силу политизация ислама. Но неправильно считать этот процесс «религиозным возрождением», возвратом к традициям прошлого. Современный рост религиозности, её идеологические и институциональные формы являются следствием конкретно-политических условий нашего времени, синтезом многовековых и новых практик. Для осмысления феномена полезна концепция постсекулярного общества, выдвинутая П.Л. Бергером [13, р. 2]. Рост религиозности, в том числе – в радикальных формах, является «аллергической реакцией» восточных и постсоциалистических обществ на свою зависимость от Запада, на кризис традиционных институтов и ценностей. Но экстремистские организации конструируют новые идеологии, которые предвзято и искаженно, поверхностно используют некоторые нормы ислама (представление о делении мира на мир праведных и мир неверных, доктрина джихада). Например, запрещенные в РФ террористические группировки «Аль-Каида», «Исламское государство» и др. отвергают многовековые традиции толкования Корана и религиозно-правовые школы, что раскалывает умму. Поэтому доктрина конфликта цивилизаций (С.П. Хантингтон) [11, с. 32, 48, 67] упрощена и политически предвзята. Речь должна идти о конфликте внутри самого ислама между сторонниками «исламской модернизации» и фундаментализма, между традиционными мазхабами и салафитами и др. Данный сложный конфликт имеет много линий противоречий, но на практике основным становится отношение к возможности мирного существования мусульман в светском, поликонфессиональном обществе. Отчасти

конфликт подпитывается объективными противоречиями внутри уммы, а во многом – стимулируется извне политикой Запада. Условия глобализации делают ислам все более «надэтническим», сетевым по организации и распространяемым посредством интернет-коммуникаций. Подчас экстремизм легко укореняется среди народов и стран, которые традиционно не исповедовали ту или иную религию.

Исследуем, какие исламские традиции могут помочь при обеспечении межконфессионального мира в постсоциалистической России. Целесообразно изучить в этом аспекте как Коран, так и шариатское право, и институты политического взаимодействия.

При урегулировании межконфессиональных конфликтов полезно напомнить верующим следующие нормы Корана. Пророк Мухаммад в проповеди, произнесенной после завоевания Мекки во время Прощального паломничества, завещал: «О люди, воистину, у вас один Господь и один прародитель, а потому нет превосходства араба над неарабом, неараба – над арабом, светлокожего – над темнокожим, темнокожего – над светлокожим, разве только по их благочестию»; «все вы произошли от Адама, сам же он вышел из праха» [14, 4:1]. Плюрализм вероисповеданий предначертан Богом: «Если бы Господь того захотел, Он сделал бы человечество единой [религиозной] общиной. Но люди не перестанут различаться [в верованиях]... И именно ради сего Бог создал их» [14, 11:118-119]. Разнообразие вер призвано помогать общению и взаимопониманию: «О люди! мы создали вас мужчинами и женщинами, сделали вас народами и племенами, чтобы вы [лучше] знали друг друга» [14, 49:13]. Многообразие религий должно стать причиной не вражды, а служения людей общему благу: «Воистину, каждой [религиозной общине] мы установили закон и путь [свой]. Если бы Бог захотел, сделал бы вас единой общиной. Но [ему было угодно иначе], дабы испытать вас в дарованном вам. Так соревнуйтесь меж собою в добрых деяниях. К Богу вы возвратитесь, и он поведаст вам [истину] о том, в чем было различие меж вами» [14, 5:48].

Вопреки мифам и стереотипам, ислам признает диалог и терпимость к иным конфессиям. Одна из сур Корана гласит: «Поистине, те, которые уверовали, и те, которые обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, – им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны [14, 2: 59]. Сформулирован строгий запрет на убийство: «Если кто убьёт человека не в отместку за [убийство] другого человека и [не в отместку] за насилие на земле, то это приравнивается к убийству всех людей» [14, 5: 32].

Анализ норм шариата, регулирующих общественные отношения, подтверждает, что исламская традиция расценивает субъективные права на основе ценностей и целей их применения. Традиционно правоведы выделяют пять ценностей в соподчиненности (от главной к второстепенным): религия, жизнь, разум, продолжение рода (к нему относят также честь и достоинство), собственность [15, с. 8-11]. Их иерархия противоречит западным антропоцентричным представлениям, но, судя по социологическим опросам, близка ценностям российского общества [16, с. 20-26]. Фикх (исламская правовая доктрина о нормах поведения) уделяет повышенное внимание достоинству человека и его свободе, справедливости, разумеется, с позиций подчинения воле Аллаха. В одном из хадисов (преданий о пророке Мухаммаде) сказано: «Справедливое, хотя и неверное, государство устоит, а несправедливое, хотя и исламское, сгинет» [17, с. 208].

Для межконфессионального диалога в секулярных обществах важным является открытость исламского права к изменениям, к учету местных и исторически преходящих обстоятельств. В толковании шариата применяются принципы: «Не запрещается изменение нормы с изменением времени», «Обычай имеет значение нормы» (если обычай не противоречит шариату). Так, Северный Кавказ в основном был ислаимизирован в XVIII – первой половине XIX вв., что привело к симбиозу шариата и местного обычного права (адатов). После установления российского правления сложилась еще более сложная система полиюридизма. Российское секулярное законодательство регулировало вопросы конституционного и административного права, а в отраслях гражданского, семейного, уголовного права действовали нормы шариата и адатов. При начальниках областей и округов (как правило, русских офицерах) действовали совещательные органы местной знати и законоведов (кади), что обеспечивало более эффективное разрешение конфликтов. Да и в ранний период советского правления (1920-х гг.) на Северном Кавказе сохранялись шариатские суды и консультативные органы – советы старейшин [18, с. 11-21]. В настоящее время мусульманское право ограничено используется в деятельности комиссий по примирению кровной вражды, советов старейшин при органах власти республик и при органах местного самоуправления.

Поддержки заслуживают те исламские богословы и публицисты, которые стремятся к умеренности и диалогу, реформам. Так, советник президента Республики Татарстан Р.С. Хакимов предложил в

начале 2000-х гг. проект «евроислама», означающий адаптацию традиций к условиям светского государства и глобализации. Основным принципом реформы Р.С. Хакимов называет борьбу за критическое мышление (иджитхад), что предполагает высокое образование мусульман, толерантность в отношении других религий, открытость к мировым культурным достижениям, обретение современных знаний. Хакимов писал: «Объединить расколотый мир могут только новые ценности. Они не могут быть чисто либеральными, но не могут быть и традиционно-исламскими. ... Ислам привнесен на Землю как прогресс, избавляющий человека от рабства и несвободы, он сама справедливость, свобода духа и стремление к знаниям» [19, с. 47, 53]. Важна также книга философа – исламоведа И. Тауфика «На пути к коранической толерантности», в которой раскрыты традиции ислама в отношении религиозного многообразия, отношения к иноверцам и принципам межконфессионального диалога [20]. Но взгляды Хакимова и Тауфика – секулярные и вряд ли будут одобрены исламскими богословами.

В рамках традиционного суннитского ислама влиятельным направлением выступают суфийские тарикаты (братства). Например, в Чечне и Дагестане преобладают тарикаты накшбандийя, кадирийя и шазилийя. В нынешних политических условиях они выступают противовесом радикальному салафизму. Власти Чечни часто упоминают миротворческие заявления шейха Кунта-Хаджи Кишиева (XIX в.), в г. Грозном действует исламский университет, названный в его честь. Традиционные ценности суфизма содействуют стабилизации чеченского сообщества, урегулированию внутриэтнических и профессиональных конфликтов [21, с. 111-112]. Институт стран СНГ при поддержке Московского муфтията Центрального духовного управления мусульман России считает, что вероучительные и обрядовые практики тариката накшбандийя могут быть эффективной альтернативой религиозному экстремизму и применяться для идеологического разубеждения потенциальных террористов [22, с. 235].

Исследуем также состояние и тенденции общественного мнения российских мусульман, чтобы установить потенциал межконфессионального мира и «зоны риска» конфликтности. Проведем анализ опубликованных результатов анкетных опросов. Первый из них организован Институтом социологии РАН под руководством М.М. Мчедловой (2014 г., всероссийская пропорциональная выборка). Сравнивая подвыборки мусульман, православных, атеистов и всех респондентов, Мчедлова фиксирует близость

политических ценностей. Приоритетна для всех подвыборок социальная справедливость, которую считают главной ценностью до 50% опрошенных, а мусульман и того больше. На втором месте ценность самобытного развития страны. Среди опрошенных мусульман 31% поддерживают демократию и права человека, почти столько же – 32% сильное государство [23, с. 187]. В иерархии идентичностей, которую дальше мы будем анализировать также на примере региональных опросов, 77% православных и 70% мусульман поставили на первое место российскую гражданскую самооценку [23, с. 192]. Сравнение политических ориентаций по большинству гипотетических мер обеспечения суверенитета и безопасности: ограничений проведения массовых акций, ужесточения государственного контроля над деятельностью СМИ и Интернета, лишения регистрации партий, не поддерживающих действия Российской Федерации на международной арене, отмены выборов в региональные и местные органы власти тоже доказывает близость взглядов конфессиональных групп. Различия же очевидны в отношении возможности ужесточения правил регистрации по месту жительства (поддержка православными – 59%, мусульманами – 45%); ужесточения контроля за въездом в Россию иностранных граждан (поддержка православными – 70%, мусульманами – 53%); усиления роли православной церкви в принятии государственных решений (поддержка православными – 31%, мусульманами – 18%) [23, с. 181]. Но различия взглядов конфессиональных подвыборок респондентов не принципиальны.

Исследуем для сравнения с общероссийскими данными уровень конфессиональной толерантности шакирдов (слушателей) исламских учебных заведений. Анкетный опрос проводился специалистами Института истории Академии наук Республики Татарстан в 2008 г. (558 респондентов – горожан данного региона, квотная выборка). Опрос подтвердил, что друзей среди православных готова иметь почти половина опрошенных (48,5%), а 74,5% готовы работать с христианами в одном коллективе, 86% – общаться с ними в качестве соседей. Уровень конфессиональной толерантности шакирдов, по мнению социологов Я.З. Гарипова и Р.В. Нуруллиной, близок таковому по всему населению Татарстана [24, с. 130-131]. Опрос 1500 респондентов всех возрастов и конфессий в РТ (второй квартал 2015 г.) подтверждает позитивные тенденции. Считают обстановку в межконфессиональных отношениях «спокойной, стабильной» 87,3% опрошенных, причем их удельный вес постоянно растёт за последний год [25].

Более высокие риски религиозной интолерантности установлены в материалах социологического опроса студентов (2013 г.), организованного Распределённым научным центром межнациональных и межрелигиозных исследований Минобрнауки РФ в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО). На вопрос «О какой группе Вы можете сказать: «Это – мы» предпочли свою конфессию 76,4% опрошенных в Чечне, 43,8% – в Карачаево-Черкесии, 35,2% – в Дагестане и 29,2% – в Ставропольском крае [26, с. 82, 37, 93, 27]. Родина воспринимается как вся Россия 24,3% опрошенными в Чечне, 32,6% – в Ингушетии, 52,4% – в Дагестане и 77,4% – в Ставропольском крае [26, с. 10]. Итак, риски конфессиональной исключительности и региональной обособленности в повышенной мере проявляются в тех республиках, где преобладает одна религия.

Выясним, какие традиционные методы миротворческой деятельности исламских институтов применяются на Северном Кавказе и в Поволжье. Прежде всего, к таким институтам относятся Духовные управления мусульман, как правило, организованные по территориальному признаку. Они координируются Центральным Духовным управлением мусульман России (ЦДУМ России), председателем которого – Верховный муфтий Т. Таджуддин. Структурными частями ЦДУМР в пределах субъектов федерации являются региональные духовные управления мусульман, их свыше 40. Они состоят из правлений мусульман – мухтасибатов, учреждаемых вышестоящей религиозной организацией. В пределах городов, микрорайонов и сёл регистрируются местные религиозные организации – махалля [27, с. 21-30]. С ЦДУМ России соперничают за влияние Совет муфтиев России (СМР) и Координационный центр мусульман Северного Кавказа.

Представители Духовных управлений мусульман постоянно участвуют в межконфессиональном диалоге. Практически в каждом регионе проживания мусульман организуются встречи духовенства всех конфессий с руководителями органов государственной власти. Духовные лидеры участвуют в Общественных палатах республик, в консультативных советах при правоохранительных органах и миграционных комиссиях. Например, в г. Нефтекамске (Башкортостан) в 2012 г. проведён межреспубликанский семинар «Мусульманское общество и необходимость формирования толерантности». В нём приняли участие председатель Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте Республики Башкортостан (РБ) В. Пятков, председатель Духовного управления

мусульман (ДУМ) РБ муфтий Н. Нигматуллин, руководитель молодежного отдела ДУМ РБ А. Арсланов, преподаватели исламского колледжа, настоятель православной церкви г. Нефтекамска и представители правоохранительных органов [28]. В Астраханской области с 2005 г. успешно действует Этноконфессиональный совет при губернаторе, в состав которого входит муфтий региона и представители национально-культурных объединений народов, традиционно исповедующих ислам [29].

Вместе с тем, ценности верующих и их политические практики, особенно на Северо-Восточном Кавказе, зависят от их приверженности мазхабам (религиозно-правовым направлениям) и тарикатам (суфийским сообществам). К влиятельным тарикатам относятся кадирийя, накшбандийя, шазилийя. Например, религиозная структура чеченского народа весьма сложна. Низовыми общинами – суфийскими братствами являются вирды во главе с устазом (наставником). Несколько вирдов образуют тарикаты (во главе с шейхом). В Чечне действуют тарикаты кадирийя и накшбандийя. Система суфийских братств накладывается на этноклановые деления (вар – кровнородственные кланы, группы семей), 130 тейпов (племён) и 9 тукхумов (союзов племен). В одном вирде могут быть представители многих кланов [30, с. 28-30].

Два высших исламских учебных заведения – университета работают в Казани и Уфе. Успешно действуют Исламские университеты в г. Грозном и Нальчике, призванные давать религиозное образование и воспитание молодёжи в духе веротерпимости. Данные вузы участвовали в комплексной программе содействия развитию сферы религиозного образования на 2005 – 2015 гг., разработанной Минобрнауки России. Только в одном Дагестане к июлю 2014 г. были зарегистрированы 8 высших исламских религиозных учебных заведений и 39 медресе. Однако лицензию, дающую право на ведение образовательной деятельности, имели 7 вузов из 8 и только 12 из 39 медресе [31]. Ректоры двух исламских вузов – Северо-Кавказского университетского центра исламского образования и науки, а также Северо-Кавказского исламского университета им. имама Абу Ханифы были убиты экстремистами, что подтверждает страх бандподполья перед появлением на Северном Кавказе сильных центров умеренного традиционного ислама.

Сделаем выводы в итоге исследования. Цивилизация трактуется как социокультурная макросистема предельно высокого уровня, отличающаяся от других по критерию мировоззрения. В традиционных обществах высшими принципами организации

выступают религиозные системы, выражаемые в вероучении, нравственных нормах, социальных и политических доктринах. Опровергается стереотип об однородности и архаичности социальной доктрины ислама в контексте критики доктрины конфликта цивилизаций. Речь должна идти о конфликте внутри самого ислама между сторонниками «исламской модернизации» и фундаментализма, между традиционными мазхабами и салафитами. Доказано, что ценности исламской цивилизации, выраженные в Коране, состоят не только в подчинении всех сфер общественной жизни божественной воле, но и в признании разнообразия конфессий, диалога и терпимости между ними. Фихх (мусульманское право) уделяет повышенное внимание достоинству человека и его свободе, справедливости.

Выявлен потенциал конфессиональной толерантности в общественном мнении мусульман России. На основе анкетных опросов во всей Российской Федерации, Республике Татарстан и Северо-Кавказском федеральном округе установлена близость базовых политических ценностей всей выборки, православных и мусульман. Приоритетны ценности социальной справедливости, самобытного пути развития страны, демократии, сильного государства. Среди мусульман России большинство признаёт приоритет гражданской идентичности над конфессиональной, этническими и региональными. Наиболее позитивно состояние и тенденции развития конфессиональной идентичности в Татарстане. Зоной риска конфессиональной интолерантности и региональной обособленности остаются только республики Северо-Западного Кавказа.

Определены традиционные институты миротворческой активности исламских организаций России. К ним относятся муфтияты, исламские средние и высшие учебные заведения, суфийские тарикаты (братства), советы старейшин. Их представители постоянно участвуют в межконфессиональном диалоге, в региональных комиссиях по примирению (действуют в Дагестане, Ингушетии и Чечне). Вместе с тем, реалии информационного общества требуют качественно обновить стратегию государственно-конфессиональных отношений, вероятно, приняв системный федеральный правовой акт. Необходимо согласовать традиционные ценности и институты исламского миротворчества со стратегией урегулирования конфессиональных и этнополитических конфликтов в России, обратить особое внимание институтов гражданского общества и СМИ на противодействие религиозному экстремизму в интернет-пространстве.

Библиография:

1. Gibb H.A.R. *Studies on the Civilization of Islam*. Boston: Beacon Press, 1962. XIV, 369 p.
2. Grunebaun G.E. von. *Islam: Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition*. London: Routledge and Kegan Paul, 1964. XV, 260 p.
3. Hodgson M.G.S. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*. Chicago: London: The University of Chicago Press, 1974. Vol. 2. 618 p.
4. Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
5. Nasr S.H. *Islam and the Plight of Modern Man*. London; N.Y.: Longman Publ., 1975.
6. Abdel-Malek A. *Civilization and Social Theory. Vol. 1. Social Dialectics*. Albany: State University of New York Press, 1981. XIV + 214 p.
7. Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
8. Почта Ю.М. Значение ислама и роль мусульман в становлении современной российской государственности // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015. № 11 (4). С. 91-100.
9. Батунский М.А. Россия и ислам: в 3 т. М.: Прогресс – Традиция, 2003. Т. 2. 596 с.; Т. 3. 255 с.
10. Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 508 с.
11. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 640 с.
12. Чочаев Ш.Ю. Проблема теократического понимания природы верховной государственной власти в исламской теологии: философско-исторический аспект // *Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности*. Краснодар: Традиция, 2014. С. 278-282.
13. Berger P.L. *The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids; Washington: Ethics and Public Policy Centre: Wm. B. Eerdmans Publishing, 1999. P. 1-18.
14. Коран / пер. с араб. яз. И.Ю. Крачковского. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 537, 6 с.
15. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 256 с.
16. Руднев М.Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 29 с.
17. Сюкияйнен Л.Р. Исламский подход к правам человека: основные принципы и перспективы сближения с международными стандартами // *Аналитические записки. Спец. выпуск Права человека и права народа*. М.: Рос. гос. радиовещат. компания «Голос России», 2006. Июнь. С. 199-216.
18. Обычное право, мусульманское право и акты Российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XX вв.): хрестоматия / ред. Д.Ю. Шапсугов, Л.Г. Свечникова, М.А. Исмаилов. Ростов н/Д: Изд-во Сев. – Кав. акад. гос. службы, 2008. 495 с.
19. Хакимов Р.С. Где наша Мекка? (Манифест евроислама). Казань: Магариф, 2003. 63 с.
20. Тауфик И. На пути к коранической толерантности. Н. Новгород: Медина, 2007. 287 с.
21. Акаев В.Х., Дохаева А.Б. Религия как духовная основа этнической культуры чеченцев. М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2014. 144 с.
22. Сафаргалеев И. Тасаввуф как бесценная духовная традиция российского ислама // *Религия и гражданское общество: между фундаментализмом и секуляризацией*. Севастополь: Вебер, 2014. С. 231-236.
23. Мчедлова М.М. Влияние религии на ценностное сознание россиян // *Российское общество и вызовы времени / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова*. М.: Весь мир, 2015. С. 166-197.
24. Гарипов Я.З., Нуруллина Р.В. Мусульманская молодежь Татарстана: конфессиональная социализация и ценностные ориентации // *Социологические исследования*. 2011. № 8. С. 130-131.
25. Почти 90% жителей Татарстана считают, что народы республики живут в мире и согласии. – См. – URL: http://sntat.ru/reportages/8518-rochti_90_zhiteley_tatarstana_schitayut_chno_narody_respubliki_zhivut_v_mire_i_soglasii (дата обращения: 02.08.2016).
26. Молодёжь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; пятигорск; Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2014. 101 с.
27. Силантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
28. Анимов Т. Вячеслав Пятков: «Между конфессиями в РБ найден общий язык». – См. – URL: <http://delogazeta.ru/news/a-2542.html> (дата обращения: 03.08.2016).
29. Этноконфессиональному совету – 10 лет. – См. – URL: <https://etnokonf.astrobl.ru/service/eks-2014> (дата обращения: 04.08.2016).
30. Задворнов И.А., Халмухамедов А.М. Тейпы и тукхумы // *Родина*. 2000. № 1-2. С. 28-30.
31. Войтенко В.П. Отечественная система исламского религиозного образования в России: теория, история и современные реалии. – См. – URL: <http://rusrand.ru/analytics/otechestvennaya-sistema-islamskogo-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii-teoriya-istoriya-i-sovremennye-realii> (дата обращения: 05.08.2016).

References (transliterated):

1. Gibb H.A.R. *Studies on the Civilization of Islam*. Boston: Beacon Press, 1962. XIV, 369 p.
2. Grunebaun G.E. von. *Islam: Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition*. London: Routledge and Kegan Paul, 1964. XV, 260 p.

3. Hodgson M.G.S. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*. Chicago: London: The University of Chicago Press, 1974. Vol. 2. 618 p.
4. Eizenshtadt Sh.N. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii*. M.: Aspekt Press, 1999. 416 s.
5. Nasr S.H. *Islam and the Plight of Modern Man*. London; N.Y.: Longman Publ., 1975.
6. Abdel-Malek A. *Civilization and Social Theory. Vol. 1. Social Dialectics*. Albany: State University of New York Press, 1981. XIV + 214 p.
7. Erasov B.S. *Tsivilizatsii: Universalii i samobytnost'*. M.: Nauka, 2002. 524 s.
8. Pochta Yu.M. *Znachenie islama i rol' musul'man v stanovlenii sovremennoi rossiiskoi gosudarstvennosti // Islam v sovremen-nom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty*. 2015. № 11 (4). S. 91-100.
9. Batunskii M.A. *Rossiya i islam: v 3 t.* M.: Progress – Traditsiya, 2003. T. 2. 596 s.; T. 3. 255 s.
10. Khantington S.P. *Stolknovenie tsivilizatsii*. M.: AST, 2016. 640 s.
11. Chochoev Sh.Yu. *Problema teokraticheskogo ponimaniya prirody verkhovnoi gosudarstvennoi vlasti v islamskoi teologii: filosofsko-istoricheskii aspekt // Problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti*. Krasnodar: Traditsiya, 2014. S. 278-282.
12. Berger P.L. *The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids; Washington: Ethics and Public Policy Centre: Wm. B. Eerdmans Publishing, 1999. P. 1-18.
13. *Koran / per. s arab. yaz. I.Yu. Krachkovskogo*. Rostov n/D: Feniks, 2005. 537, 6 s.
14. Syukiyainen L.R. *Musul'manskoe pravo. Voprosy teorii i praktiki*. M.: Nauka, 1986. 256 s.
15. Rudnev M.G. *Bazovye tsennosti naseleniya: sravnenie rossiyan s zhitelyami drugikh evropeiskikh stran*. Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. M., 2009. 29 s.
16. Syukiyainen L.R. *Islamskii podkhod k pravam cheloveka: osnovnye printsipy i perspektivy sblizheniya s mezhdunarodnymi standartami // Analiticheskie zapiski. Spets. vypusk Prava cheloveka i prava naroda*. M.: Ros. gos. radioveshchat. kompaniya «Golos Rossii», 2006. Iyun'. S. 199-216.
17. Khakimov R.S. *Gde nasha Mekka? (Manifest evroislama)*. Kazan': Magarif, 2003. 63 s.
18. Taufik I. *Na puti k koranicheskoi tolerantnosti*. N. Novgorod: Medina, 2007. 287 s.
19. Akaev V.Kh., Dokhaeva A.B. *Religiya kak dukhovnaya osnova etnicheskoi kul'tury chechentsev*. M.; Rostov n/D: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2014. 144 s.
20. Safargaleev I. *Tasavvuf kak bestsennaya dukhovnaya traditsiya rossiiskogo islama // Religiya i grazhdanskoe obshchestvo: mezhdunarodnyy fundamentalizm i sekulyarizatsiya*. Sevastopol': Veber, 2014. S. 231-236.
21. Mchedlova M.M. *Vliyaniye religii na tsennostnoye soznanie rossiyan // Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni / pod red. M.K. Gorshkova i V.V. Petukhova*. M.: Ves' mir, 2015. S. 166-197.
22. Garipov Ya.Z., Nurullina R.V. *Musul'manskaya molodezh' Tatarstana: konfessional'naya sotsializatsiya i tsennostnye orientatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. № 8. S. 130-131.
23. Silant'ev R.A. *Noveishaya istoriya islama v Rossii*. M.: Algoritm, 2007. 576 s.
24. Animov T. *Vyacheslav Pyatkov: «Mezhdunarodnyye konfessii v RB naiden obshchii yazyk»*. – Sm. – URL: <http://delogazeta.ru/news/a-2542.html> (data obrashcheniya: 03.08.2016).
25. Zadvornov I.A., Kholmukhamedov A.M. *Teipy i tukkhumi // Rodina*. 2000. № 1-2. S. 28-30.
26. Voitenko V.P. *Otechestvennaya sistema islamskogo religioznogo obrazovaniya v Rossii: teoriya, istoriya i sovremennyye realii*. – Sm. – URL: <http://rusrand.ru/analytics/otechestvennaya-sistema-islamskogo-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii-teoriya-istoriya-i-sovremennyye-realii> (data obrashcheniya: 05.08.2016).